

Исаковский Михаил Васильевич

22.12.94.

Экран и сцена - 1994 - 22-29 дек - 614

ЧЕТЫРЕ ПЛЮС ПЯТЬДЕСЯТ

Он привык к тому, что история его звучит непривычно. Однако с трудно объяснимым упорством возвращался к ней, печально улыбаясь: «Вот-вот, на площади Дзержинского мне тоже не верили».

В начале войны попал в плен, удрал из лагеря, был схвачен и послан на работы в оккупированную Францию. Сблизился с таким же бедолагой-сербом, с грехом пополам начал его поимать. Они вместе отважились бежать в Югославию, охваченную партизанской войной. Через полгода отряд разбит, приятель-серб погиб. Начались одинокие полуживотные странствия в чужих горах и лесах. Как-то ночью подумал, что окончательно свихнулся. На лужайке пели «Катюшу». На итальянском, видно, языке. Отрешенно побрел к незнакомцам, подпевая по-русски.

Есть ли еще случай, когда бы исконно русскую песню так приняли в чужезычной стране, а итальянские антифашисты сделали гимном Сопротивления?

Конечно, легко запоминающаяся проникновенная мелодия. Конечно, строки варьировали на свой лад. Но непритязательная «Катюша», написанная Михаилом Васильевичем Исаковским еще в 1939 году, словно в предчувствии неминуемых разлук, ожидающих людей, шествовала по оккупированной Гитлером Европе, опережая приход Красной Армии, предвещая его. Бесхитростная песня о любви. Ни страст-

свободу выбора (какой уж выбор на войне?), то возможность осознанно исполнить предначертанное.

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светит в трудный час,
Но коль придется в землю лечь,
Так это только раз.

«Свет и радость прежних лет» — это «очей любимых свет», старый вальс, звучащий теперь в прифронтовом лесу. У каждого своя цепь воспоминаний, ассоциаций, но завершается она для всех одинаково жестоким императивом:

И что положено кому —
Пусть каждый совершит.

Музыку к песне «В лесу прифронтовом», как и к «Катюше», написал талантливый М. Блантер. Это был на редкость удачный союз поэта и композитора. Стихотворение, сохраняя автономную жизнь, все-таки предпочитает жизнь в сочетании с музыкой.

Лиризм Исаковского от сельского истока, фольклора, имя Сергея Есенина всплывает само собой. Хотя Исаковскому противоречие двух стихий — города и деревни — не представлялось столь роковым. Он верил в гармонию, в «провода в соломе» (так назывался один из его ранних сборников). Гармония, однако, не всегда достигалась, и через год после самоубийства Есенина, продолжая какие-то внутренние споры, Исаковский писал:

Я ж любил под этим небом чистым
Шум берез и мягкую траву.
И за то отсталым коммунистом
До сих пор в ячейке я слышу.

Ему тогда стукнуло двадцать шесть, коммунистом он стал в восемнадцать. Однако верность единожды принятому ориентиру позволяла сохранять качество, обозначенное Твардовским как «нешумливая оригинальность». Соприжено это, видимо, с двумя обстоятельствами, в разные годы и по разным поводам, названными самим Исаковским.

Первое: «Я потерял крестьянские права, но навсегда останусь деревенским».

Второе: «Даже величественное в жизни... возможно выразить при помощи негромких спокойных слов, не прибегая к словам «возвышенным». Недоверие к таким словам очевидно.

Он не нарывался на конфликт, но отклонения назревали сами собой, и когда их не замечали или делали вид, будто не замечают, ревнители идеологической непорочности.

Глубже многих Исаковский переживал цену победы и по-своему сказал о тех, кто мечтал, вернувшись домой, выпить за здоровье, а «пить пришлось за упокой». О тоске, одиночестве, мраке.

Враги сожгли родную хату.
Сгубили всю его семью.

Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пришел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стихотворение 1948 года дисонансом прозвучало тогда, а сегодня заставляет говорить об интуитивности, способности почувствовать время с неожиданной стороны. Имею в виду «Летят перелетные птицы». С чего бы это вдруг уверять: «Не нужен мне берег турецкий, и Африка мне не нужна»?

А если не «вдруг»? Что-то встревожило автора «Катюши».

Начинался новый тур милитаризации человеческого сознания, подули ветры «холодной войны». Победный хмель ударил в кремлевские головы. Вместо умиротворения они нагнетали ненависть. В ход пошла едва прикрытая пропаганда захвата новых территорий, прежде всего — турецких. В тайне вынашивались планы военных авантур, и вскоре начнется одна из них на Корейском полуострове.

Спроста такие стихи не рождаются. Даже если автор далек от осмысленного протеста и всего лишь отзывается на глухие подземные толчки.

Снова-таки отголоски какого-то внутреннего спора, разлада, когда вещи еще не называются своими

«КУДА Ж ТЕПЕРЬ ИДТИ СОЛДАТУ...»

ных признаний, ни пламенных клятв. Простенький деревенский пейзаж, тихая грусть. Робкая просьба не самих влюбленных, но кого-то третьего, кто верит в него и в нее. Песня о взаимной верности, неотторжимой от верности своей земле. Этот третий — поэт — выражает сокровенное чувство с такой непосредственностью, душевной тонкостью и чистотой, какие завораживают людей, огрубевших на войне. Завороженные итальянские партизаны пели «Катюшу». И как завороженный шел на их голоса русский солдат.

В эпоху шлагера это трудно понять. Шлягер запрограммирован на мгновенный контакт. Должна вспыхнуть искра между авторами, исполнителем и — публикой. Он легко преодолевает языковые барьеры, ибо слово лишено смысловой обязательности. Расширяется поле массовой культуры, не предполагающее глубокой вспашки. Ничего предосудительного в триумфальном шествии нынешнего шлягера нет. Но в каждом случае он — нынешний. Его век обвалю шумен и короток. Духовному единению он предпочитает ритмическое. Оно иссякнет с последним выкриком. Шлягер свободен от традиции и корней.

Поэзия же предполагает «почву и судьбу». «Катюша» из тех стихов Исаковского, какие возвращают человека к истокам и оставляют за ним если и не

именами, и это лишь усиливает подавляемую тревогу. Поэт-лирик, не склонный к полемике, клятвенным заверениям, отстаивает свое понимание родины, свою любовь к ней, свою верность.

А я остаюсь с тобою,
Родная моя сторона.

Безотчетный вызов звучал в этих строках, написанных на исходе сороковых. Какое-то предостережение ощущается в них на исходе века войн и революций, концлагерей и массовых расстрелов.

...Человек, чей рассказ об итальянских партизанах, покоющих «Катюшу», приведен в начале заметок, живет сейчас за рубежом, в Минске, столице независимой Беларуси. В недавнем письме он пишет, что товарищ по партизанскому отряду на Аппенинах зовет его в Италию. Как участнику Сопротивления, награжденному правительством республики, ему обеспечен кров, достойная пенсия, всякие льготы. Жизнь, о какой он, пожилой человек, прошедший войну, гитлеровские и сталинские лагеря, у себя на отчей земле и мечтать не смеет. Да и насколько она теперь отчая?

Солдат восстановил «родную хату», но выяснилось, «хата» — слово украинское. Украина — тоже за граница: «Куда ж теперь идти солдату...».

В. КАРДИН.